

Баймак в феврале 2025 года / Фото: ОВД-Инфо

17.04.2026, 00:21 Башкортостан

СТАТЬИ

«Сердце мое — твой дом». Как «баймакское дело» изменило жизнь башкирских семей

Баймакские протесты стали одними из самых заметных в России последних лет. В январе 2024 года несколько тысяч жителей Башкортостана съехались в маленький город Баймак, чтобы поддержать местного национального активиста Фаиля Алсынова — его судили по статье о возбуждении ненависти. У суда людей ждали отряды Росгвардии и ОМОНа — они забрасывали толпу светошумовыми гранатами и применяли слезоточивый газ, пытались оттеснить протестующих ударами дубинок.

В день столкновений, 17 января, власти завели уголовные дела о массовых беспорядках

и нападении на полицейских. На следующий — начались обыски и аресты. Был задержан 81 человек, в том числе четыре женщины.

Прошло больше двух лет. Двое фигурантов мертвы, 75 — за решеткой. «Баймакское дело» навсегда изменило жизнь десятков семей в республике, оставив женщин без отцов и мужей, сыновей и братьев. Корреспондентка «Гласной» **побывала** в Башкортостане и встретила с ними.

Этот материал мы публикуем в партнерстве с «Гласной»

«ИСКАЛИ ЖЕСТКО, ХОДИЛИ ПО ДЕРЕВНЯМ»

Семьи осужденных раскиданы по Башкортостану, до отдаленных деревень и сел почти не ходит междугородний транспорт. Никого из фигурантов «баймакского дела» не судят в родной республике — **всех развозят** по соседним регионам: в Оренбург, Ижевск, Самару, Тольятти и Орск.

Тех, кого обвиняли только в участии в беспорядках и нападении на силовиков, осудили в прошлом году. Процесс над теми, кого следствие считает организаторами протестов, продолжается. У женщин, воспитывающих теперь детей в одиночку, нет ни времени, ни денег, чтобы ехать так далеко, но суды — единственная возможность увидеться. Едут сами, едут с детьми — показать, как выросли.

«Те, у кого родных уже осудили, ездят на длительные свидания, а нам даже разговаривать не разрешают, — объясняет Альмира, жена Салавата Елкибаева. — Во время суда мы можем

нарисовать ему плакат, и то бывает конвой, который это запрещает. А свиданий нам не дают».

Салавата задержали в баймакском кафе в день протестов. Ему предъявили обвинение по двум уголовным статьям: в организации массовых беспорядков и применении насилия к представителю власти. У них с Альмирой трое детей — 12, 10 и четырех лет. Женщина ездит на суды, когда появляется возможность их с кем-то оставить.

«Семьи арестованных сейчас в долгах, — вздыхает Фанзиль, который поддерживает арестованных и их близких. — Я летом вообще единственный [из активистов] передачи возил. Вы попробуйте народу объяснить, что это безопасно. Все боятся. Когда надо было в [уфимское] СИЗО идти нести передачи, там сидело больше 60 человек. Первые полгода еще нормально было, а потом все забыли про них».

Сколько семьи фигурантов «баймакского дела» тратят на близких в месяц

В качестве примера — передача для Салавата Елкибаева в ноябре 2025 года. В эту сумму не входит адвокат: если он платный, в среднем семьи тратят на его услуги около 300 тысяч рублей в год. У некоторых в список постоянных расходов включены затраты на бензин или билеты в другой город на суды.

футболка мужская	1200 рублей
продукты: масло, сыр «Голландский», сгущенка, печенье «Овсяное», печенье «Топленое молоко», сосиски халяль, колбаса куриная халяль, колбаса «казанская с перцем», копчено-вареная грудка, кофе «Арабика», конфеты «Ярче!», крекер «Янтарный», яблоки зеленые, козинаки, халва подсолнечная, манго сушеное	4523 рубля Салават, как и многие фигуранты дела, — соблюдающий мусульманин. Он не ест мясо, которое дают в СИЗО, поэтому семье важно отправлять ему халяль-мясо и колбасу, готовую еду с мясом
БАДы для укрепления иммунитета	1550 рублей
дорожная сумка (чтобы складывать вещи и хранить продукты)	1100 рублей
стоимость отправки	2246 рублей
дополнительно: деньги на личный счет, чтобы покупать продукты в тюремном магазине	5000 рублей
Итого	15 619 рублей

Раннее утро. На трассе слякоть, идет снег с дождем, к Уральским горам поднимается туман. Дорога очень красивая — вьется вдоль замерзшей реки и склонов. Около семи утра мы останавливаемся, Фанзиль, который вызвался отвезти нас с фотографом в отдаленные части республики, уходит в небольшой деревянный домик («мобильную мечеть»), чтобы прочесть намаз.

Айсылу встречает нас в квартире, куда переехала после ареста мужа. Ей 29 лет, муж Ильяс на четыре года старше. Вместе они сняли и обжили заброшенный сельский домик, держали хозяйство и воспитывали сына. Когда за Ильясом приехали силовики, все соседи были в курсе. После того, как его отправили в СИЗО, пожилые хозяева домика сказали: «Мы боимся, пожалуйста, уезжайте отсюда».

Айсылу говорит, когда полиция стала искать участников протестов, люди не сразу поняли, что происходит. Народное собрание, или по-башкирски «йыйын» — это сход для решения насущных вопросов. Такие в республике проходят регулярно.

Людей забирали, ориентируясь в том числе на фотографии и видео с протестов: искали одежду, в которой человек был у здания суда 17-го числа, чтобы подтвердить его участие. На баймакском сходе были простые жители, которые никогда прежде не сталкивались с преследованиями и до этого общались разве что с местными участковыми.

«Искали жестко, по деревням ходили, тут обстановка была страшная, — вспоминает Айсылу первые после протестов дни. — К одной женщине пришли, спросили, где муж. Она говорит: „На работе“. Они туда и поехали, его забрали. Другой говорят: „Неси в отдел вещи, в которых он был 17-го числа“. Она пошла и отнесла, только потом поняла, в чем дело».

Когда Айсылу не спится по ночам, она читает намаз. Говорит, для нее это как медитация / Фото: «Гласная»

В квартире Айсылу всюду цветы: крупные и пышные — на обоях, мелкие — на чайных кружках и живые — на подоконниках. Она говорит заметно волнуясь и все время тербит кисточки зеленого коврика для намаза, сложенного на гладильной доске, снимает и надевает браслет с черными бусинами, ковыряет бежевый лак на ногтях. За ее мужем полицейские пришли утром 23 января — почти через неделю после суда над Алсыновым, когда семья уже успокоилась.

Айсылу с Ильясом завтракали. Она собиралась провожать мужа на работу, как вдруг, выломав ворота, к ним вошли шестеро мужчин во главе с местным участковым. От грохота проснулся сын — мальчику было пять лет.

«Естественно, я за мужа схватилась, — вспоминает она. — Говорю: „Постановление должно быть!“ Они его вытаскивают, показывают, а я не могу спокойно читать: меня трясет. Это состояние, наверное, я никогда не забуду. Ты семь лет

с человеком живешь, каждый день у вас одинаковый, а тут просто приходят и говорят: „Мы его забираем“».

Пока женщина общалась с участковым, мужчины что-то искали во дворе дома. Участковый дал Айсылу свой номер, уговорил отвести ребенка в детский сад и уже потом идти в отдел.

«Я прихожу, звоню этому чуваку — он, естественно, телефон не берет, — рассказывает она о том, что было дальше. — Местных сотрудников там не было, потому что наш город маленький, все друг друга знают. Там, где проходная, сидит паренек. Говорит: „Извини, никого не допускаем“. А я стою, упертая, и тут слышу, как снизу, где КПЗ, кого-то жестко бьют».

О том, что задержанных били в отделе полиции и делали это «не наши, баймакские, а именно приезжие парни — из Магнитогорска и Орска», год назад говорила мне одна из жен арестованных. Другая рассказала, как муж после допроса вернулся домой бледный и молчаливый.

«Ночью он переворачивается и стонет. Говорю: „Что случилось, тебя били?“ Вот тогда он признался, но ничего не показал», — вспоминала она. На следующий день ее муж сказал, что поедет в суд Баймака, а после — в больницу. Из суда его уже не выпустили. Увидеть мужа эта женщина, как и Айсылу, смогла только на заседании по делу.

СМЕРТЬ, САМОУБИЙСТВО И КОМА. ЧТО ПРОИСХОДИЛО С УЧАСТНИКАМИ ПРОТЕСТОВ В БАЙМАКЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ЗАДЕРЖАНИЙ

Про избиения во время задержаний близкие фигурантов «баймакского дела» регулярно писали в местных чатах.

Двое погибли еще до ареста. Миннияр Байгускаров покончил с собой. Вернувшись из отдела полиции, мужчина повесился.

Рифат Даутов погиб во время задержания. Телеграм-канал «Техас Хабирова» [писал](#), что он отравился алкоголем, и выложил видео, где люди рассказывали, что мужчина вел себя «как пьяный». Его сестра Залия говорила, что в день протестов Даутов проходил в Уфе медосмотр перед отправкой на вахту. Она уверена, что брат не пил. Позже экспертиза [подтвердила](#): в его крови не было ни алкоголя, ни наркотиков. Также независимый эксперт заключил, что ударов было не менее 48.

Дим Давлеткильддин из села Ишберда на судах [говорил](#), что кинул пару снежков в полицейскую машину, но не повредил ее. После задержания он [оказался](#) в больнице с переломом поперечного отростка позвоночника. 5 мая прошлого года его [приговорили](#) к пяти с половиной годам колонии.

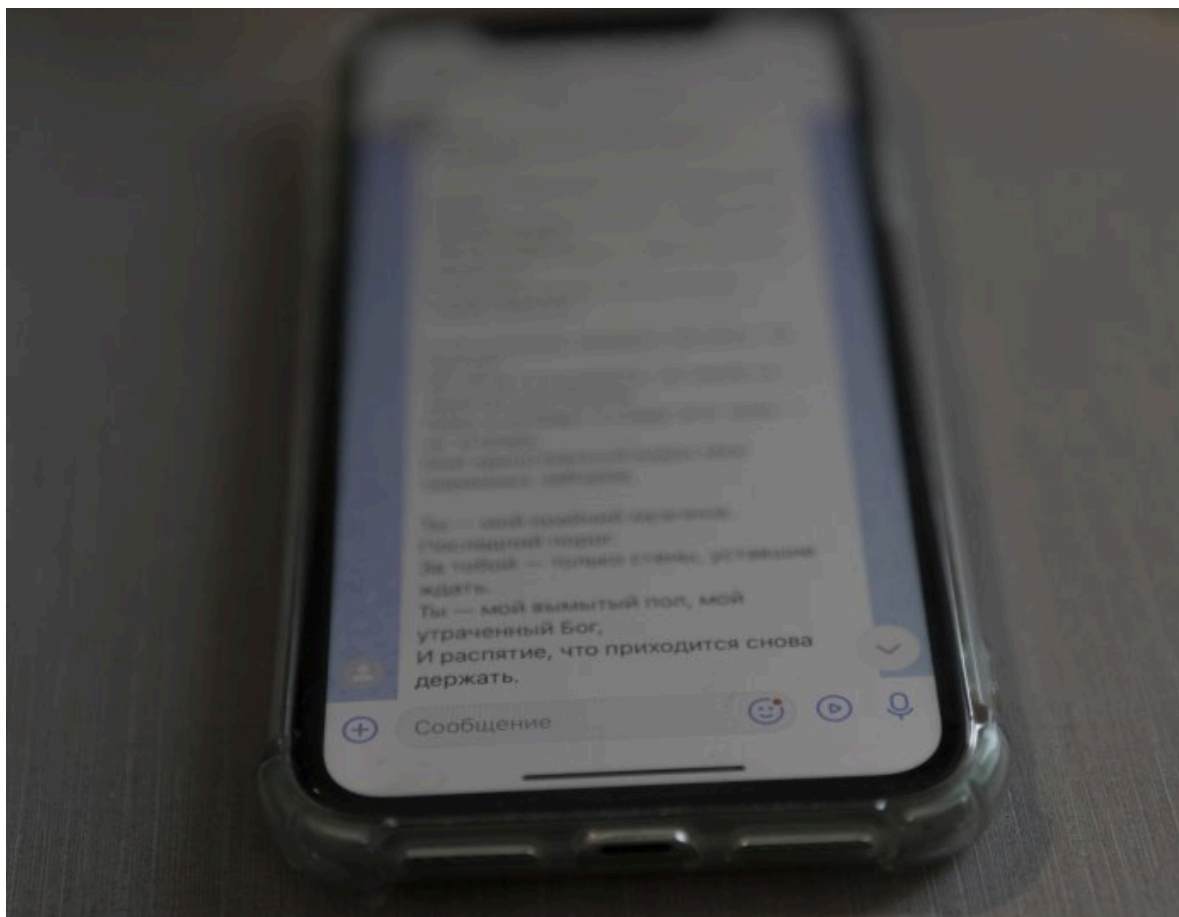
Задержанный в апреле 2024 года Закий Ильясов после избиений [впал](#) в кому. Около полутора суток он был на искусственной вентиляции легких, а когда пришел в сознание, его выписали и арестовали. 19 марта 2025 года суд [приговорил](#) Закия к трем годам и четырем месяцам лишения свободы.

По словам родственников, после перенесенной комы у него проблемы со здоровьем. В марте этого года мужчина [вышел](#) из колонии — ему заменили наказание на «ограничение свободы».

Ильяс в письмах успокаивал Айсылу, что к нему насилие не применяли. Мужчину приговорили к четырем годам и шести месяцам колонии по статьям об участии в массовых беспорядках и применении насилия, неопасного для жизни или здоровья.

Чтобы отвлечься, Айсылу пишет стихи. Одно из них называется «Контейнер для тишины». В то утро, когда забрали мужа, она собиралась положить ему обед в пластиковый контейнер, как делала это каждый день. Вечером вернулась домой — контейнер стоял на столе.

Отрывок из стихотворения Айсылу / Фото: «Гласная»

«ОТСТОЯТЬ СВОЙ ГОЛОС»

«Я его предупреждала, что на такие акции ходить нельзя, — говорит Айсылу. — Как бы душа ни хотела, ни стремилась поддержать, я понимала всю ответственность, а муж — нет. Он, конечно, выглядит мужик мужиком, но на деле добрый и чувствительный. Фильм смотрит — может заплакать. Видит на улице животных — тащит домой. Я холодной головой больше думаю, а он на чувствах двигается. Наверное, туда и пошел из-за этого».

Сейчас Ильяс в СИЗО. Звонить разрешают раз в две недели — по 15 минут. Скоро его этапируют в колонию.

«Меня два раза вносили в черный список: на башкирском что-то сказала. Забываю постоянно, что нельзя, — говорит Айсылу. — Во время свидания тоже нельзя, сразу звонок прерывают. Я ему башкирские книги отправляла, но их не передают — там нет переводчиков, чтобы их просмотреть и одобрить».

Про черный список, то есть невозможность говорить с близкими на родном языке, когда их этапируют из Башкортостана, я слышу не впервые, об этом же говорит Ялиль, сын Умутбая Давлетбердина: «Мама не может написать отцу письмо — на русском тяжело. Папа спрашивает у своих родственников, почему они не пишут, а я объясняю отцу, что им легче на башкирском написать, но, к сожалению, в Тольятти письмо на башкирском цензуру не проходит. Отцу, конечно, тяжело. Он же всю жизнь на башкирском разговаривал».

Айсылу сказала сыну сразу: «Папа в тюрьме». Когда он спросил почему, ответила, что отец, «к сожалению, нарушил закон»: «Это участие в массовых беспорядках. Как бы мы ни хотели по-другому смотреть, но мы же видели на видео, что там люди кидали снег. Я сыну сказала как есть: раз мы живем в России, как бы сложно ни было — [выходить на митинги] нельзя, тем более если у тебя есть семья».

Два года назад я находилась среди протестующих как журналистка и видела, что атмосфера резко накалилась: спецназ застучал дубинками по щитам и двинулся на людей. ОМОН пытался расчистить дорогу, по пути избивая собравшихся дубинками, но никто не расходился. Раздались взрывы светошумовых гранат, над толпой возникали и быстро рассеивались клубы дыма. Большинство не вмешивалось в потасовку, но с разных сторон в экипированных силовиков летели кружки от термосов, снежки и куски льда — те прикрывались щитами.

Позже Айсылу добавляет: «Мы пытались отстаивать свой голос. Поддержать Алсынова — всего лишь повод, на самом деле народ недоволен. Большинство участвующих были из районов, где нет работы, все уезжают на севера, оставляя семьи. Школы и ФАПы закрываются почти в каждой деревне. Фаиль Алсынов делал какие-то движения, у людей была на него надежда, и они [за него] вышли. Сердцем чувствую, что муж молодец, но головой понимаю, что это было неправильно».

В доме Айсылу / Фото: «Гласная»

Фаиль Алсынов — один из самых заметных башкирских активистов. Он не только организовывал акции в защиту священного для башкир шихана Куштау, но и выступал против варварской золотодобычи в регионе. 28 апреля 2023 года в селе Ишмурзино он выступил на сходе граждан у Дома культуры с очередной речью, в которой произнес выражение «кара халык», за которое его и осудили в январе 2024-го.

АЛСЫНОВ УЧАСТВОВАЛ В ДВИЖЕНИЯХ «КУК БУРЕ» И «БАШКОРТ». ЧТО ЭТО ЗА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРИ ЧЕМ ТУТ БАШКИРСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ?

С 2007 года Фаиль Алсынов участвовал в молодежном движении «Кук буре» (с башкирского — «Небесные волки»), которое его соратник Руслан Габбасов описывал как пример «башкирского либерального национализма» и рассказывал, что организация привлекала башкир, «не боящихся ездить на стрелки» с русскими националистами и жителями республик Кавказа. Организация была популярна среди городской молодежи.

В 2014 году, после раскола в «Кук буре», Алсынов с Габбасовым [создали](#) более радикальную организацию «Башкорт». Ее участники выступали за суверенитет республики, развитие национальной культуры и ограничение влияния федерального центра на экономику, а также требовали национализации ресурсодобывающих предприятий, отстаивали использование башкирского языка и добивались, чтобы ключевые позиции в правительстве республики занимали башкиры. «Башкорт», в отличие от «Кук буре», обращался к жителям деревень и сел.

Башкирские националисты сосредоточились на критике местных, а не федеральных властей. В 2020 году, после протестов на шихане Куштау, Верховный суд Башкортостана [признал](#) организацию «Башкорт» «экстремистской».

Причины случившегося в Баймаке сложнее, чем только арест Фаиля Алсынова. Исследовательница баймакских протестов Илюза Мухамедьянова в день приговора Алсынову была в родной деревне — за 40 километров от Баймака, но из-за болезни туда не поехала и следила за происходящим в интернете, слушала рассказы друзей и читала, что пишут медиа. По ее словам, многие журналисты не понимали контекста и причин, которые вывели людей на улицу.

«Писали, что это сепаратистские или антивоенные протесты, но они не были ни тем ни другим, — рассказывает она. — У людей не было цели свергнуть Хабирова или Путина, они выходили за своего лидера, свои земли и экологию этих земель, за то, чтобы проблемы решались. Для них это был обычный сход. Это объясняет, почему они пришли без масок и угощали друг друга чаем».

Илюза считает, люди ждали, что к ним, как во время протестов на Куштау, придет глава республики Радий Хабиров или кто-то из местной администрации и прислушается к их проблемам.

«Почему жители слушают людей национальных взглядов? А кто еще о нас рассказывает? — говорит Илюза. — Даже баймакские протесты показали, что мы неинтересны ни федеральной, ни мировой прессе. Я регулярно объясняю российским академикам, что у нас идет крупнейший политический процесс, — никто не в курсе. Конечно, людям важно, чтобы кто-то говорил об их проблемах, им важно, чтобы их слышали».

По ее словам, многие жители Баймакского района действительно работают на Севере и вынуждены уезжать — «до 40% точно трудятся за пределами района». Но даже при наличии работы в родном регионе зарплаты очень маленькие — например, учителя получают около 30 тысяч рублей.

«Как и многие мои друзья, я скептически отношусь к Алсынову из-за его слишком национальных или религиозных взглядов, — добавляет Илюза. — Но мы не можем отрицать, что он организовывал акции в защиту башкирского языка, которые

очень важны и мне. Он боролся с алкоголизмом в деревнях, почти единственный говорил о непропорциональной мобилизации из республики. Протесты были на пересечении вопросов экологии, этничности и деревенских проблем — и он касался их всех. Для людей его арест стал последней каплей: человек что-то делал, а теперь его сажают».

До ареста семья Ильяса держала лошадей. Была любимая корова Йондоз («Звездочка» с башкирского). Животных пришлось продать. Айсылу потратила на адвоката больше 350 тысяч рублей. Недавно предупредила мужа, что не сможет регулярно отправлять передачи: денег не хватает. Первое время посылки обходились в 15 тысяч рублей, сейчас она отправляет их раз в две недели на сумму в два раза меньше.

Чем ближе к Баймаку, тем больше табунов лошадей по обе стороны дороги / Фото: «Гласная»

«Зарплаты хватает, чтобы платить за квартиру и покупать продукты, — говорит она. — Уехать на вахту я не могу: сыну и так тяжело, а если я уеду, будет еще хуже. В том году ездила на заработки в Москву на две недели, и от осознания, что

я в Москве, муж в Ижевске, а сын тут, было очень тяжело. Написала мужу, чтобы пока не ждал посылок. Он все понял. Сказал: „Ничего страшного, на длительное приедешь?“ Конечно, приеду».

Открывать сбор, как делают многие родственники осужденных, в чатах взаимопомощи ей «как-то стыдно». Мы выходим на балкон. Курим. По жестяному скату подоконника оглушительно стучат капли с крыши. Айсылу до ареста Ильяса совсем не курила.

«НЕ БЫЛО ВРЕМЕНИ ДУМАТЬ»

Наталья, жена Даниса Гайсина, у которого идут суды по обвинению в организации массовых беспорядков, недавно открыла сбор на оплату коммуналки — через [группу взаимопомощи](#). Местные создали ее в первые дни после баймакских протестов: сначала искали через нее арестованных родных и вели подсчет пропавших, потом собирали деньги на адвокатов. Сейчас там есть чаты, которые ведут семьи фигурантов, они же регулярно открывают сборы — на передачи, свидания и срочные расходы.

Мы встречаемся с Натальей в кафе «Замзам» около мечети села Нагаево. Наталье 34 года. Темная юбка в пол, ямочки на щеках, карие глаза. Лицо без макияжа в обрамлении хиджаба кажется детским. Из-под черной накидки выглядывают руки с двумя кольцами и аккуратным маникюром. В этом кафе Наталья работает администратором.

Наталья Гайсина / Фото: «Гласная»

До 2024 года она училась на логопеда-дефектолога. Сейчас работает почти без выходных. Когда Даниса задержали, вышла в ночную смену пекарем, днем бегала в школу. Потом уволилась (учительской зарплаты не хватало), взяла академ в университете и устроилась в кафе.

«Не было времени думать. За эти два года я многое научилась делать сама, — говорит Наталья. — Младшая ходила на работу вместе со мной, когда не с кем было оставить. Раньше я работала в удовольствие, а сейчас — потому что надо. Последний сбор я сама открыла, потому что поездки на суды сперва тянула, а сейчас уже не тяну».

Женщина воспитывает трех дочерей — 15, 14 и пяти лет. Незадолго до протестов в Баймаке они всей семьей переехали в новый дом. Данис должен был делать в нем ремонт, и, когда его арестовали, Наталья сама устанавливала теплые полы, пыталась класть плитку. Что-то общими усилиями делали

активисты, которых она называет «братья и сестры мусульмане».

Наталья и Данис познакомились в университете. Она ждала его из армии, а когда он вернулся — прочитали никах, то есть совершили мусульманский свадебный обряд. Спустя восемь лет Наталья стала носить платок.

Наталья в доме, где они с Данисом должны были обживаться вместе, а сейчас живет она и три их дочери / Фото: «Гласная»

«В Юрюзани, где я выросла, религиозных мусульман нет, — говорит Наталья. — Это небольшой городок, меня там все знают, и я переживала, что скажут люди: девушек в хиджабе там видели только по телевизору. Мама всегда говорила про Даниса, мол, паранджу на тебя наденет, а так и получилось. Потом я начала узнавать, что все больше знакомых оттуда стали покрываться».

Где находится папа, не знает только младшая дочь. Когда его арестовали, старшая, Камила, скатилась до троек, средняя,

Аиша, перестала учиться. Учитель говорил: «Я к ней подхожу — у нее тетрадь пустая, даже „классная работа“ не записано. Спрашиваю, в чем дело, — молчит».

В то время Наталья еще работала в школе. Одна из учительниц Аиши позвала ее на разговор — женщина как могла объяснила, что происходит, и педагог сказала, что давить на девочку не будет. Другая учительница Наталью упрекнула: «Как вы можете у других детей преподавать, если не можете заставить своего ребенка учиться?»

Сейчас девочки сменили школу и учатся хорошо. Про папу лишний раз не спрашивают. Марьяша, младшая дочка, думает, что он работает.

«Она меня как-то просит: „Мама, поехали к папе“. Говорю: „Туда детей не пускают“. Спрашивает: „А что, там детей не любят, что ли?“»

«ПОКАЗАТЬ, СКОЛЬКО НАРОДУ ПРОТИВ»

Тусклое двухэтажное здание Баймакского районного суда за два года не изменилось. За ним — пустырь и заброшенное строение. Все так же, как в январе 2024 года, когда здесь собралось, по некоторым оценкам, до 10 тысяч человек. Сейчас в это трудно поверить — пустырь кажется совсем небольшим пятачком.

Тот январь выдался морозным. Женщины кутались в теплые шали и стелили под ноги пенки, чтобы не стоять на снегу. Люди угощали друг друга чаем и домашней выпечкой, кто-то прямо у здания суда готовил плов, жители ближайших домов пускали протестующих погреться. Спустя несколько часов в толпе я и сама пошла греться в один из таких домов.

Вид на Баймакский районный суд. Два года назад в нем вынесли приговор Фаилю Алсынову / Фото: «Гласная»

Фанзиль, который сейчас возит нас по республике, тогда был среди протестующих — варил мясо в казане у суда. Позже он отвез его в национальное кафе-юрту «Агай», в нескольких минутах езды отсюда. Там обедали некоторые участники схода. В этом кафе задержали и Салавата Елкибаева, и Даниса Гайсина — мужа Натальи.

Даниса также обвинили в организации беспорядков и применении насилия к силовикам. С Алсыновым он знаком не был, но, по словам Натальи, в мусульманской среде новости распространяются быстро: «Даже если лично не знаешь человека, всегда передают информацию — все знают, если кому-то нужна помощь». Она называет это «умма» — сплоченность мусульман вне зависимости от страны, языка и культуры.

«Мой муж, как и многие, поехал поддержать количеством, — говорит Наталья. — Не агитировать и не кричать лозунги. Просто показать, сколько народу против, чтобы его сажали».

По ее словам, сначала протестующие держали дистанцию от силовиков. «Потом они сами стали идти на людей, толкать. Те упирались. Начали бить дубинками, люди в ответ вырывали щиты и эти дубинки. Потом пошли шумовые гранаты, газ. Уже после этого стали кидаться снежками».

За несколько дней до суда Данис ездил в Баймак и, вернувшись, сказал: «Алсынова, который Куштау защищал, решили посадить». На приговор Фаилю он выехал затемно, чтобы утром оказаться у суда.

«Связь глушили, поэтому он взял с собой рацию — чтобы держать связь с человеком, который его вез, ну и с теми братьями [-мусульманами], которые тоже поехали», — вспоминает Наталья.

Когда они созвонились, Данис сказал, что зашел в кафе, позже вызовет такси и вернется домой. Там его и задержали. Сначала дали 10 суток административного ареста за неповиновение полиции. Когда срок истек, отец поехал его встречать, но в отделе полиции выяснилось, что за день до этого Даниса перевезли в Уфу и возбудили уголовное дело.

Внутри кафе «Агай», где задержали Даниса Гайсина и Салавата Елкибаева / Фото: «Гласная»

«Первое свидание было, наверное, через год. Я пошла с Марьяшей — она долго говорила с ним по телефону через стекло. Во второй раз выяснилось, что дело уже передали в Оренбург и прежнее разрешение недействительно — нужно новое, у другого следователя».

Наталья уверена, что в этом году мужа отпустят. Говорит, что у нее есть квитанция об оплате в кафе карточкой, когда у суда уже начинались столкновения. Одним из аргументов обвинения в пользу участия в организации беспорядков стали найденные у Даниса балаклава, рация и перцовый баллончик.

«Балаклаву я ему сама покупала — у него слабое горло, если шея открыта, все краснеет и опухает. Перцовый баллончик законом не запрещен. Он ехал в незнакомый город — откуда знать, что там будет? Последний свидетель обвинения говорит, что Данис стоял в первых рядах, настраивал людей

и пользовался рацией. А он утверждает, что рация лежала в рюкзаке и он ее не включал».

Мы приезжаем в дом Гайсиных. Перед ним стоит пустой ларек — раньше Данис продавал там мясо. Теперь ларек перевезли во двор. Камила и Аиша встречают нас в платках. На кухонном шкафу — связки сушеных трав: старшая, Камила, изучает лекарственные растения. На грифельной доске в комнате арабская вязь и перевод: «Сердце мое — твой дом».

Рисунки Марьям, младшей дочери Натальи и Даниса / Фото: «Гласная»

Средняя дочь, Аиша, начала писать стихи. Наталья не отправляет их мужу — «Чтобы не знал, что это как-то сказало на ней. Эти стихи прекрасны, но в них чувствуется, что у человека в душе есть боль».

Особенно за Даниса переживает мама Натальи. Она хотела поехать на суд, чтобы «поговорить с судьей и объяснить, что он хороший человек».

«Маме и бабушке снилось, что его скоро выпустят. Я не суеверная, но в сны верю», — говорит Наталья.

По ее словам, Данис рассказывал, что некоторых задержанных у суда уговаривали подписать контракт и отправиться на войну. «Говорили: вам все равно большой срок светит, а так год помотыляетесь — и домой».

«Я ему сказала: даже если тебя на 15 лет посадят, отсидишь и выйдешь — зато у детей отец будет. На этом тему закрыли».

«ОСТАЛОСЬ ДВОЕ. ВСЕ ПОГИБЛИ»

У Даниса на войне убиты пять двоюродных братьев — все из одного села Мурсалимкино, откуда он сам. По данным [«Медиазоны»](#), из селения на две тысячи человек в Украине погибли 13 мужчин, среди них не только братья, но и Айрат, лучший друг Даниса.

Вместе с Эльзой, сестрой Даниса, мы идем к маленькому башкирскому кладбищу через железнодорожные пути, вдоль избушек с цветными ставнями, мимо обшитой панелями коробки с маркетплейсами.

Эльза долго не решалась сказать брату про друга: они были очень близки, дружили с детства. Просила, чтобы тяжелую новость сообщил отец. Теперь Даниса этапировали в Оренбург, и о погибших родственниках ему не сообщают.

Эльза Гайсина на кладбище, где похоронены ее близкие / Фото: «Гласная»

Война с Украиной фоном присутствует во всех наших разговорах. Республика Башкортостан занимает первое место по количеству погибших на фронте — на сегодня их уже почти девять тысяч.

Одна из близких арестованного по «баймакскому делу», попросив об анонимности, рассказала мне, как в родной деревне «алкаши местные говорят: „Чё, как [твой родственник]? А почему не идет на СВО, чего контракт не подпишет?“» На вопросы женщина отвечает: «Идите и сами подписывайте. Дай бог, он выйдет, но даже если 10, 15, 20 лет дадут — все лучше, чем на СВО». Описывая ситуацию в деревне, она добавляет: «У нас сейчас как: выпившего поймают — забирают. Алименты не платит — забирают. Заставляют подписывать. Чего взять от пьющих?»»

В прошлом году, когда я приехала, чтобы встретиться с семьями арестованных, Залия, жена осужденного на пять лет Халида Ишкуватова, говорила, что после ареста мужа с оплатой адвоката и кредитами помогал брат. Он ушел на войну

по мобилизации в сентябре 2022-го, а в сентябре 2024-го погиб. «Муж постоянно спрашивает в письмах, как он, вышел ли на связь. Но я ему не говорю: ему и так там тяжело. Из нашей деревни, где мы с братом родились, семеро мобилизованных было. Осталось двое. Все погибли».

Альмира, жена Салавата Елкибаева, которого, как и Даниса, судят по статье об организации беспорядков, рассказывала, что родители мужа происходящее переживают тяжело еще и оттого, что старший сын, вернувшись с войны, уходит туда снова. В этот раз незадолго до нашей встречи она написала: «Пришла весть о смерти брата мужа, он на СВО был. Я поэтому, скорее всего, поеду в деревню».

Кладбищенское надгробие в селе Мурсалимкино / Фото: «Гласная»

Мы встречаемся в Уфе. Альмира в длинной черной юбке. Голову обрамляет тонкий бежевый платок, из-под которого не видно волос. У нее глубокие темные глаза, а голос звонкий, с задоринкой, даже когда она говорит про страшное.

«Он нам сказал, что пошел, потому что хотел проявить себя, увидеть все, — рассказывает она про родственника. — В 2024 году взял отпуск и вернулся, женился на женщине, с которой познакомился по интернету. Ей отправили фото татуировки — по ней его опознали».

19 декабря 2025 года брат Салавата писал, что находится на задании, с тех пор связи с ним не было. Незадолго до очередного суда Салавата их мама ходила в военкомат — справиться о сыне. Накануне заседания военкомат сообщил, что мужчина жив.

«Мы расслабились, — вспоминает Альмира. — В первый день суда я передала Салавату, что брат живой. А на второй день пишу адвокату, что новость опровергли, брат погиб и я не знаю, как ему сказать. Салават стоял позади него в „аквариуме“ и увидел сообщение».

На следующий день Салават позвонил жене. Сказал, что ночью болело сердце, вызывал врача, но к нему никто не пришел. Наутро дежурный доктор дал таблетки.

«Война сейчас в жизни людей занимает центральное место, — говорит Илюза Мухамедьянова. — Протесты произошли, потому что в республике сильные горизонтальные связи — ты в курсе жизни очень многих людей. в Баймакском районе не осталось деревень или сельсовета, где не было бы погибших».

По словам Альмиры, когда мужа еще судили в Уфе, во время перерыва на заседании можно было подойти к нему и немного поговорить, а один раз даже удалось подержать его за руку.

«В Оренбурге нельзя, — добавляет она. — Там во время перерыва сперва выпускают слушателей, адвоката, потом уже из другой двери выводят арестованных».

Дети Салавата и Альмиры уже все знают, и младшая тоже — ей долго не говорили, где отец, но, когда начались суды, на первое заседание Альмира взяла младшую дочку в надежде, что разрешат завести ее в зал заседаний, — не разрешили.

Когда дверь в зал открывалась, ее брали на руки, поднимали и показывали папу.

«Мы не упоминаем слово „тюрьма“, но она понимает, что папу где-то держат и не отпускают, — тихо объясняет Альмира. — Был период, когда она по ночам плакала, просила его забрать. Говорила: „Давай у дяди ключи возьмем, вдруг он разрешит, и мы папу заберем“».

Альмира рассказывает, что в деле «более ста потерпевших, некоторые на СВО, не явились». Адвокат ходатайствовал, чтобы допрашивали тех, кого осудили и кто уже сидит в колониях. «И все они говорят одно и то же: „Не знаем, не видели, никто нами не руководил“».

Айдар, адвокат одного из фигурантов, попросивший изменить его имя, рассказал, что за время заседаний, на которых обвиняемые мужчины вместе находятся в «аквариуме», «они сдружились, просят почаще их вывозить в суд — в камерах скучно, на звонки выводят редко». По его словам, обвинение в организации массовых беспорядков, которое предъявили Салавату и еще девяти участникам протестов, строится на предположениях омоновцев.

«Свидетели обвинения говорят: „Мы не утверждаем, но, возможно, [организация] была“. Обвинение фактически строится на предположении неких людей, доказательств нет. Это легенда, которая ничем не подтверждается», — считает он.

Снимок одного из заседаний Верховного суда России по «баймакскому делу» от 3 июня 2025 года. Фото: RusNews

Со стороны защиты выступили свидетели — уже осужденные по «баймакскому делу» мужчины. Адвокаты говорят с ними по видеосвязи, а они сами находятся в колониях.

«Они дают честные показания, что никто их не организовывал, никто не просил прийти, у суда они поддерживали Алчинова, кидать снежки тоже никто не просил: все стали кидать в ответ на действия сотрудников, которые бросали светошумовые гранаты и били дубинками. Это говорят все как один».

Альмира рассказывает, что в письмах Салават ее утешает. Пишет, что сейчас у него нормальные условия, а один раз написал, что в Оренбурге его поместили в такую ужасную камеру, что, когда спали, из дырки туалета вылезла крыса, по камере побегала и из-под двери выбежала в коридор.

Родители Салавата стареют, говорит Альмира. Они потеряли одного сына, и сейчас им еще тяжелее, но хотя бы о Салавате они знают, где тот находится.

«ЗА МУЖЕМ ХОЧЕШЬ ПОЕХАТЬ?»

«Я выросла в деревне, — рассказывает Альмира. — Башкирская женщина — это женщина, которая не боится труда. И дрова рубит, и дома готовит, и на улице может поработать за мужчину, если нужно».

Женщины пытались бороться за своих мужчин. Эльза развернула бурную деятельность по спасению брата: пыталась встретиться со следователем в Уфе, ходила к полковнику Игорю Хованскому, который возглавляет следственную группу по «баймакскому делу», но ее не пустили. Собирала характеристики на Даниса: из спортивных секций, сельсовета, всех учебных заведений. Тем же занимались многие другие родственницы арестованных.

Эльза (слева) и Алиса Гайсины, родные сестры Даниса / Фото: «Гласная»

Год назад несколько родственниц ездили в Москву — [посетили](#) приемную администрации президента, Генпрокуратуру

РФ и записались, по их словам, на личный прием к Владимиру Путину и Вячеславу Володину.

«В Москву ездили жены, которые сильно-сильно верили в чудо, держались за своих мужей, — рассказывает Айсылу, жена Ильяса. — Ездили, несмотря на усталость, на материальное положение. Естественно, никакого эффекта не было: отписались, что амнистия не положена, президент не вмешивается в решения суда».

В мае позапрошлого года группа активных жен собралась, чтобы записать видеообращение к президенту. Нашли видеографа. По словам женщин, стоило им собраться, как пришли полицейские.

«Говорят мне: „Ты чё тут организовала незаконное собрание? За мужем хочешь поехать?“ — вспоминает Айсылу. — Видеографа в сторонку отвели, он после этого сразу уехал. Многие испугались. Некоторые начали плакать. Всех разогнали, мы ничего не записали и уехали».

Айсылу — единственная из моих собеседниц, кто упоминает Алексея Навального. Она прямо говорит, что верила в политика: «Мужа посадили, и через пару месяцев умер Навальный. Я почему-то верила в него, верила, что Россия поменяется в лучшую сторону. Многие говорят: верить в него — глупость. Ну елки-палки, интуицию же никто не отменял. И когда убили его, я думаю: „Все, доживаем век в такое время. Не видать нам ни дорог, ни справедливости“».

Потом она добавляет: «У нас нет тех, кто бы особенно интересовался политикой. Да, они все хорошие люди — работающие, искренние патриоты. Но говорят, если ты не интересуешься политикой, то политика тобой заинтересуется. А я... чего там следить? Без нас все идет уже, пока не закончится вот это СВО».

В основном женщины говорят, что политика их не интересует. «Это лишняя головная боль, — считает Наталья. — Политики

делают, как им выгодно и удобно. Мы пока на себе лично не чувствуем — не лезем в политику. Страшно стало, потому что... тоталитарная страна стала, лишнего не скажешь: боишься. Данис как-то рассказал, что к ним привезли парнишку, которого взяли за то, что он оставил какой-то комментарий под видео».

Село Мурсалимкино / Фото: «Гласная»

С тех пор как мужа арестовали, Айсылу научилась держаться в седле. Раньше боялась, а тут стала ездить в деревню по ту сторону хребта Ирендык. Там держат лошадей, можно подняться на самую вершину.

«Лошадь везет нервно, характер показывает, если волнуешься. С ними нужно сохранять спокойствие. Я так перезагружаюсь», — говорит она.

С мужем они раньше часто выбирались на природу, поднимались в горы — Башкортостан ими изобилует. Сейчас Айсылу отправляет мужу запахи дома: кладет в конверты сушеную кожуру апельсина, гвоздику и лавровый лист.

Сбрызгивает письма своими духами. Делает скриншоты трендов из инстаграма, которые он пропускает, пока отбывает срок.

Он рисует ей на конвертах места, куда они любили ездить. На одном из конвертов нарисован Куштау.

Марина-Майя Говзман

Редакторка: Яна Кучина

Ещё почитать

03.04.2026 Башкортостан

В Уфе заявительницу митинга против блокировок оштрафовали по статье о дискредитации армии

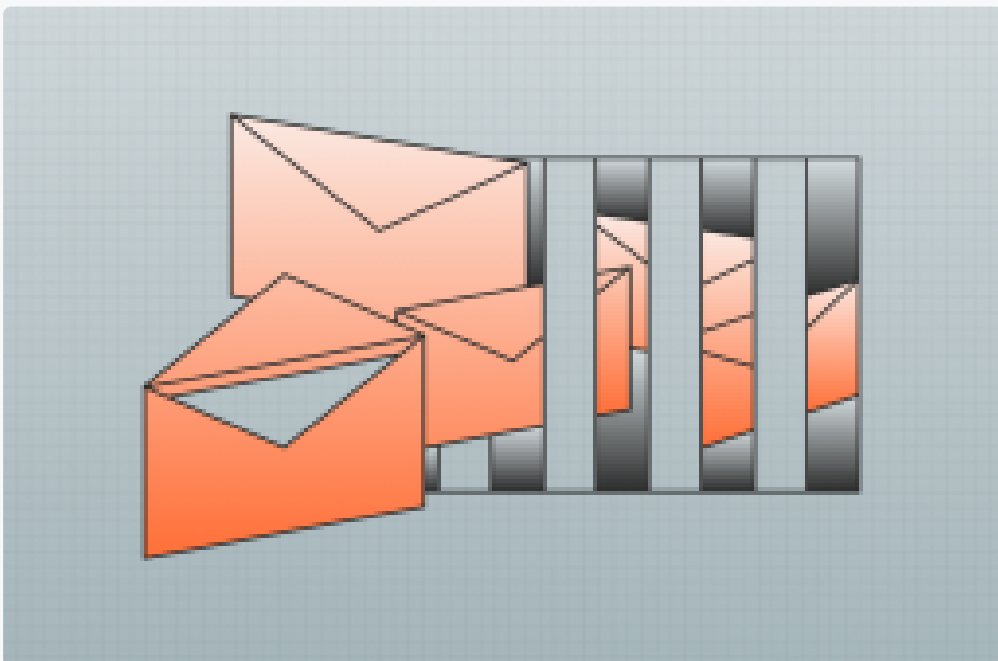

10.07.2025 Башкортостан

Фигуранта «баймакского дела» отправили в карцер на трое суток после выступления в суде

**«Они забрали совершенно
здорового человека!» Ольга
Эськова, арестованная за
комментарий, пыталась покончить с
собой. Мы поговорили с ее мужем
«Ваша жена арестована»**

Как написать письмо в тюрьму политзаключенным

Письма — простой и действенный способ поддержать тех, кого государство преследует по политическим мотивам. Кому, что и как писать — объясняем в нашей инструкции.

Требуем запретить «карусельные» аресты

В октябре 2025 года суд в Петербурге отправил под административный арест участников группы «Стоптайм»: вокалистку Диану Логинову (Наоко), барабанщика Владислава Леонтьева и гитариста...

[ПОДПИСАТЬ ПЕТИЦИЮ](#)

Дело о спектакле «Финист Ясный Сокол»

14 новостей и текстов по теме